

АНДЕРС ДЕ ЛА МОТТ

МОНС НИЛЬССОН

ЧИСТО ШВЕДСКИЕ УБИЙСТВА

ОТПУСК В РАЮ

ПЕРЕВОД
ЕЛЕНА ТЕПЛЯШИНОЙ

18+

детектив

МИОО

МИФ Проза

Андерс де ла Мотт

**Чисто шведские
убийства. Отпуск в раю**

«Манн, Иванов и Фербер»

2021

УДК 82-312.4(485)
ББК 84(4Шве)6-445.7

де ла Мотт А.

Чисто шведские убийства. Отпуск в раю / А. де ла Мотт —
«Манн, Иванов и Фербер», 2021 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195821-5

Комиссар полиции Петер Винстон приезжает в живописный уголок Швеции, чтобы отдохнуть у моря. Отпуск недолго остается безоблачным – в роскошной недостроенной вилле на берегу находят тело знаменитого риелтора Джесси Андерсон. Надо бы помочь местным коллегам во всем разобраться, вот только временная напарница Винстона не выносит городских белоручек, а начальник полиции предпочитает считать происшествие несчастным случаем. Дело только поначалу кажется простым – вскоре обнаруживается, что Джесси Андерсон сумела досадить почти всем в этом райском уголке, а убийца может скрываться за каждой садовой изгородью. Для кого эта книга Для любителей классических уютных детективов. Для читателей «Клуба убийств по четвергам» и «Человека, который умер дважды» Ричарда Османа. Для тех, кто хочет прочитать детектив со скандинавской атмосферой и неповторимым юмором. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-312.4(485)
ББК 84(4Шве)6-445.7

ISBN 978-5-00-195821-5

© де ла Мотт А., 2021
© Манн, Иванов и Фербер, 2021

Содержание

Информация от издательства	6
Действующие лица	7
Пролог	8
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Андерс де ла Мотт, Монс Нильссон

Чисто шведские убийства. Отпуск в раю

Информация от издательства

Original title:

Döden går på visning

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © Anders de la Motte & Måns Nilsson 2021

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2023

* * *

Мы любим Эстерлен и потому постарались описать его историю и географию как можно точнее. Но в некоторых случаях, когда того требовал сюжет, мы позволили себе немного отклониться от правды

Действующие лица

Петер Винстон, 49 лет – Комиссар уголовной полиции, отдел по расследованию убийств, Стокгольм

Тира Бурен, 52 года – Шеф криминалистов

Туве Эспинг, 28 лет – Младший детектив, полиция Симрисхамна

Юнна Устерман, 44 года – Журналист, главный редактор «Симбрисхамнсбладет»

Джесси Андерсон, 42 года – Знаменитый риелтор, телезвезда

Фелисия Одуйя, 33 года – Хозяйка «У Фелисии», Комстад

Элин Сиденвалль, 25 лет – Ассистентка Джесси

Софи Врам, 63 года – Хозяйка конефермы, инструктор по верховой езде

Кристина Лёвенгельм, 49 лет – Психолог, бывшая жена Петера Винстона

Ян-Эрик Шёхольм, 72 года – Артист на пенсии

Поппе Лёвенгельм, 54 года – Хозяин замка Ерснес, второй муж Кристины

Альфредо Шёхольм, 61 год – Костюмер, дизайнер одежды

Аманда Винстон, 16 лет – Дочь Петера и Кристины

Никлас Мудиг, 33 года – Хоккеист-профессионал из Лос-Анджелеса

Ларс-Йоран «Эл-Йо» Улофсон, 60 лет – Пасечник, а также шеф полиции Симрисхамна

Даниэлла Мудиг, 33 года – Инфлюэнсер. Наездница, занимается конкурсом

Маргит Дюбблинг, 75 лет – Председательница муниципального совета Йислёвсхаммара

Свенск и Эландер – Полицейские, служащие полиции Симрисхамна

Фредрик Урдаль, 36 лет – Электрик из Тумелиллы

Хассе Пальм, 57 лет – Электрик из Шёбу

Боб – Пес породы колли, принадлежащий Фелисии, постоянно крутится в кофейне

Плутон – Длинношерстный кот, постоянно крутится в Бэккастюган

Пролог

Солнце еще из всех сил цеплялось за весеннее небо, но все же понемногу опускалось в воды пролива Борнхольмсгаттет. Чайки парили высоко над дюнами, а лучи низкого вечернего солнца превращали море в жидкую ртуть. Вода сейчас, в середине мая, еще оставалась холодной, и пляж пустовал. В живописном рыбацком поселке Йислёвсхаммар, расположенном за полкилометра отсюда, начали зажигаться фонари, а на горизонте угадывался серый силуэт грузового судна, медленно направлявшегося на запад.

В былые времена в этих местах хозяйничали пираты. Устраивали на берегу фальшивые маяки, заманивали суда на мель, а моряков – на смерть. Остовы кораблей и останки людей еще покоились где-то на дне, погребенные под песком предательских отмелей. Может быть, поэтому этот живописный край все еще нес на себе печать чего-то недоброго, череды злодейств.

Фургон из тех, что нанимают для переездов, свернул с шоссе и покатил по безымянной проселочной дороге, вившейся среди золотых рапсовых полей и сквозь сумрак прибрежного леса. Дорога оканчивалась разворотной площадкой совсем рядом с последними дюнами и настолько близко к морю, что до обоих сидевших в машине мужчин донесся запах водорослей и соленой воды.

Перед фургоном высилась недавно сваренная металлическая ограда с основательными автоматическими воротами. Табличка рядом с воротами гласила: «Йислёвsstrанд. Ваше место в жизни. Ваш стиль жизни». Чуть ниже помещалась еще одна, предупреждающе-яркая, с текстом гораздо более суровым: «Посторонним вход воспрещен!»

Водитель, квадратный мужчина с двумя толстыми складками на загривке, подвел машину к домофону у ворот. Опустив окошко, он с видимым усилием высунулся из кабины, отчего у него между штанами и футболкой показался голый живот, и нажал кнопку вызова.

Загорелось кольцо диодных лампочек, и на водителя уставился глаз камеры.

– Джесси Андерсон, – раздался из динамика женский голос – резкий, как удар хлыста. У говорившей был американский акцент.

– Здравствуйте, это Ронни из «Эстерленфлютт», – по-сконски протяжно проговорил водитель. – Мы привезли этот... – Ронни поискал нужное слово. – Крюк.

Металлическая решетка плавно заскользила вверх.

– Come on in¹.

Пространство за оградой по большей части являло собой строительную площадку с бытовкой для рабочих, мусорными баками и кое-какой техникой. Впереди угадывался ряд абсолютно одинаковых, недавно залитых фундаментов, из которых торчали в вечернее небо пластиковые трубы. Слева стоял фасадом к морю единственный пока готовый дом.

– Ну и ну!

Дом был выстроен из бетона, стали и стекла. Прямые линии, острые углы. Ни карнизов, вообще ничего, что нарушало бы прямоугольную форму.

– Бункер какой-то. С пятьсот квадратных метров, наверное. Как по-твоему?

Напарник водителя, Стиббе, молча кивнул.

На подъездной дороге стояли две машины, одной из которых был белоснежный «Порше»-кабриолет. Ронни заглушил мотор, и оба вылезли из кабины, одновременно хлопнув дверцами.

¹ Заезжайте (англ.).

Навстречу им уже шла женщина лет сорока с небольшим: длинные светлые волосы, узкая юбка, ворот блузки щедро расстегнут. Высокие каблуки цокали по каменной плитке.

Не успел Ронни открыть рот, как женщина раздраженно подняла палец, продолжая говорить по мобильному телефону.

– Can I put you on hold for just a minute, James?²

Ронни и Стиббе многозначительно подмигнули друг другу – как всегда, когда клиентка бывала хорошенькой.

– Вы Джесси Андерсон? – спросил Ронни, хотя видел лицо женщины и в газетах, и по телевизору.

– Вы опоздали почти на два часа, – резко заметила Джесси.

Ронни пожал плечами.

– Скульптор, Улесен, с упаковкой не справился. Нам со Стиббе пришлось ему помогать, времени ушло больше, чем...

– Это не мои проблемы, – отрезала Джесси. – Сроки надо соблюдать. Завтра я позвоню вашему начальству, потребую пересмотреть счет за доставку. А теперь разгружайте, у нас мало времени. Элин покажет, где смонтировать скульптуру.

Она махнула женщине помоложе – темноволосой, в очках, – резко повернулась и зацокала обратно к дому, снова вернувшись к телефонному разговору.

– Sorry for that, James. As I was saying, don't pay any attention to the rumors. The market in Skåne is booming and Gislövsstrand is an excellent investment opportunity...³

– Элин Сиденвалль, ассистентка Джесси, – представилась молодая женщина. Ей было лет двадцать пять, в речи слышался стокгольмский выговор. Блузка застегнута под горло, а каблуки значительно практичнее, чем у начальницы. В одной руке женщина держала папку-планшет. – Скульптуру надо установить внизу, в гостиной.

– Внизу? – спросил Ронни. – В наряде ничего про лестницу не сказано.

Элин заглянула в документы.

– Установить в гостиной на нижнем этаже, – прочитала она.

– Вот именно. Про лестницу ничего нет, – констатировал Ронни.

– Это дом ступенчатой этажности, он выстроен на склоне, – сухо объяснила Элин. – Холл, кухня, гостиная, гардеробная и еще несколько комнат – на верхнем этаже. Общие пространства, спа и хозяйская спальня – на нижнем этаже с выходом в сад и к морю. Скульптура будет стоять в гостиной, непосредственно под кухней. Вот, сами посмотрите!

Она протянула Ронни планшет и постучала по нему пальцем.

Обычно Ронни в таких случаях начинал протестовать, но шеф предупредил их, что с этой клиентки надо сдувать пылинки.

Элин Сиденвалль вопросительно вскинула бровь.

– Ну? Работаем?

Ронни смиренно вздохнул и откинул задвижку на задних дверцах фургона.

– Две сороки весны не делают, или как ты там говоришь, а, Стиббе? – проворчал он, удостоверившись, что Элин его не услышит.

Прошел почти час. Перевозчикам удалось стащить скульптуру вниз по лестнице и установить ее в гостиной. Элин зорко наблюдала за ними и прерывала их труды, как только возникал хоть малейший риск того, что они заденут стены или перила. Потом она взяла рулетку и лично удостоверилась, что скульптура стоит именно там, где должна. Однако Джесси Андер-

² Джеймс, подождете минутку? (англ.)

³ Простите, Джеймс. Как я говорила, не обращайте внимания на слухи. Рынок в Сконе переживает подъем, Йислёвсstrand – великолепная возможность для инвестиций... (англ.)

сон осталась недовольна. Ронни и Стиббе пришлось трижды перетаскивать скульптуру взад-вперед, прежде чем Джесси наконец отпустила их с миром.

Элин проводила обоих к выходу. Ронни – может, у него резко понизился сахар, а может, дело было в незапланированном спуске по лестнице – не удержался и нарушил инструкции шефа.

– Про вас вчера в газете было, – сказал он. – Николовиус написал новое письмо; вот он вас припечатал. – Ронни, к своему удовольствию, заметил, что ассистентка скривилась. – Кто бы ни был этот Николовиус, он ненавидит вашу начальницу. И вряд ли он в этом одинок, верно?

Элин промолчала.

Ронни подмигнул ей и полез в фургон.

– Откроете ворота? – спросил он, опустив окошко.

– Поезжайте, и они откроются автоматически, – сухо ответила ассистентка.

Элин Сиденвалль еще постояла, глядя, как закрываются ворота и исчезают в прибрежном лесу габаритные огни фургона. Одинокий уличный фонарь бросал на асфальт круг света, за пределами которого тьма казалась еще гуще. Чайки смолкли. Где-то вдалеке кричала неясность.

Жутковатый звук заставил Элин передернуться, и к ней вернулось чувство, преследовавшее ее со вчерашнего дня, когда она прочитала то самое послание.

«Эстерлен не станет мириться с этим злодеянием, – писал человек, называвший себя Николовиусом. – Час возмездия близок. Виновные дорого заплатят за свою жадность».

Эти слова не давали Элин покоя. Неужели она одна из виновных? И что имел в виду анонимный автор, говоря, что они дорого заплатят?

Элин вдруг необъяснимым образом показалось, что за ней кто-то наблюдает. Словно в непроглядной темноте таились не только совы.

Кто-то желал им с Джесси зла.

Снова прокричала неясность.

– Глупости, – буркнула Элин. Джесси же говорила – не надо принимать близко к сердцу. Они не позволяют какому-то консерватору, который трусливо прячется за псевдонимом, напугать себя.

Элин глубоко вдохнула раз, другой, вернулась в дом и убедилась, что заперла за собой дверь.

Рядом с просторным холлом поместилась внушительная кухня с поверхностями из нержавеющей стали и гладкими каменными столешницами. Из динамиков доносилась негромкая музыка.

Элин поднялась на лестничную площадку, которая словно парила над гостиной. В гостиной Джесси восторженно рассматривала только что смонтированную металлическую скульптуру: почти двухметровый, толщиной с человеческую руку, гигантский рыболовный крючок. Крюк установили на постаменте так, что его крепление было развернуто к морю, а острие направлено на площадку, где стояла сейчас Элин. В целом инсталляция напоминала огромную, заброшенную назад «J».

– Magnificent⁴, верно? – Джесси провела рукой по металлу от петли, где должна крепиться леска, наискось по изгибу и дальше, по острию с мощной зазубриной. – The Hook⁵! На него вот-вот начнут клевать покупатели. И заинтересованная пресса.

Несмотря на шуточный тон Джесси, Элин пришлось подавить дрожь. Скульптура казалась ей отвратительной, но она сочла за лучшее промолчать.

⁴ Великолепно (англ.).

⁵ Крюк (англ.).

– Ты правда думаешь, что это сработает? – спросила она.
– Сколько раз можно объяснять? – фыркнула Джесси. – Это же основа риелторской стратегии. Крючок – способ отвлечь внимание, сместить фокус.

Пальцы с длинными, кроваво-красными ногтями задержались на зазубрине.

– И газеты вместо «Местные жители продолжают протестовать против застройки для миллионеров» напишут: «Местный художник дарит скульптуру знаменитому риелтору».

Джессика опустила руку.

– У нас все готово для tomorrow⁶?

Элин кивнула.

– Председатель совета по вопросам культуры придет в десять.

– А газеты?

– «Симбрисхамнсбладет», «Истадс Аллеханда», «Сконска Дагбладет» и «Сюдсвенскан» готовы. «Ди Уикенд» тоже хотят кое-что сделать, но раньше следующей недели не смогут никого прислать.

– Окей. Да уж, не «Вэнити Фэйр»... – Джесси криво улыбнулась. – Но мы молодцы. Вот видишь, скульптура уже окупается. Этот мерзкий крюк привлечет сюда посетителей фестиваля искусств, а жителям того и надо. Вуаля – и больше никаких жалоб! Никаких анонимных писем в газету, никто больше не собирает подписи против застройки. Клиенты вернутся, и деньги потекут рекой.

Джесси снова погладила гладкий металл.

– Они у нас на крючке, – пробормотала она. – Все разом.

С улицы вдруг донесся какой-то шум.

– Что это? – сказала Элин.

– Наверное, перевозчики пакуются.

– Нет, я видела, как они уезжают. Несколько минут назад.

– Значит, надо выйти и посмотреть, что там.

Джесси поднялась по лестнице, прошла через кухню и прихожую – Элин следовала за ней – и распахнула дверь.

– Вот дерьмо!

Дрожащий призрачный свет рядом с бытовкой отбрасывал длинные тени на гравийную площадку.

– Пожар! – охнула Элин.

Из мусорного контейнера вырывались неровные языки пламени. Огонь словно только-только проснулся и теперь пытался обрести оплот.

– Смотри! – Элин указывала на «Порше» Джессики.

По белому лаку тянулось написанное красными буквами «СВОЛОЧЬ». Запах краски из баллончика еще висел в воздухе, смешиваясь с запахом гари и дыма.

Джесси постояла молча, сжав зубы и быстро оглядывая строительную площадку.

– Fucking cowards!⁷ – заорала она. – А ну покажитесь!

Звук ее голоса пометался между постройками и замер. Пару секунд было тихо, слышалось только потрескивание разгоравшегося огня. Вдруг возле горящего контейнера что-то зашевелилось. Элин задержала дыхание.

Из теней наполовину высунулась темная фигура. Черная одежда, лицо скрыто лыжной маской. Фигура, одной рукой указывая на женщин, другой угрожающе провела себе по шее.

⁶ Завтрашнего дня (англ.).

⁷ Чертовы трусы! (англ.)

Из горящего бака донесся хлопок, в небо взметнулись искры. Языки пламени стали ниже, отчего тени сгустились еще больше, а когда огонь разгорелся с новой силой, фигура в черном уже исчезла.

– Час возмездия, – прошептала Элин. – Совсем как в письме Николовиуса.

Джесси повернулась к ней и спокойно, ледяным тоном проговорила:

– В прачечной есть огнетушитель. Живее, пока пожар не разгорелся! Когда огонь уляжется, позвонишь в авторемонтную мастерскую, найдешь того, кто до завтрашнего утра закрасит эту гадость.

– Н-но надо вызвать пожарных, – запротестовала Элин. – И полицию! Вдруг он еще здесь.

– Мы никуда не будем звонить, – отрезала Джесси. – Позвоним – завтра же угодим в «Симбрисхамнсбладет», а этим трусам только того и надо! – И она указала на пылающий контейнер. – Этот диверсант, кто бы он ни был, уже далеко отсюда. Неси огнетушитель, туши пожар, а потом займись моей машиной! И никому ни слова. Всего этого просто не было. Элин, ты меня поняла?

Глава 1

Шесть недель спустя

Заканчивался июнь. В двери осторожно заглядывало шведское лето.

Комиссар уголовной полиции Петер Винстон сидел за рулем вот уже почти три часа. И даже почти семь, если считать всю дорогу от Стокгольма.

Винстон был хорошо сложен – при росте больше метра девяносто он не страдал сутулостью, свойственной многим высоким людям. Коротко стриженные светло-рыжие волосы, гладко выбритые щеки; и хотя Винстону еще не было пятидесяти, он давно уже начал седеть. Кое-кто из коллег-женщин утверждал, что седина в сочетании с вечным костюмом-тройкой придавала ему респектабельный вид – оценка, которая вызывала у Винстона неоднозначные чувства.

Сейчас Винстон сидел за рулем черного «Сааба» – одного из последних автомобилей, сошедших с конвейера, прежде чем фабрика в Тролльхеттене закрылась. Винстон всегда ездил только на «Саабах», и при мысли о том, что эта машина, с большой вероятностью, может оказаться последней, ему иногда делалось тоскливо. Именно поэтому Винстон берег ее как зеницу ока. Регулярно отгонял на техосмотр, мгновенно ликвидировал малейшую неисправность, а мыл и полировал до тех пор, пока не начинал видеть в блестящей поверхности собственное отражение.

Винстон поерзал на сиденье. Последний раз он останавливался где-то в районе Гренны, долговязому телу хотелось размяться и заправиться чашечкой хорошего кофе. Но ехать оставалось уже недолго. Точнее сказать, *наверное*, оставалось недолго.

Голос навигатора, обитавшего в мобильном телефоне, – голос, который вел Винстона уже шестьдесят миль, – вдруг зазвучал неуверенно.

– Развернитесь, – сказал он, тут же передумал и посоветовал ехать прямо, после чего снова порекомендовал развернуться.

Винстон сосредоточился на противоречивых инструкциях навигатора, отчего не обратил внимания на устроенную в полотне грунтовки решетку, которая не давала коровам бродить по дороге, и хватился, только когда покрышки с грохотом прокатились по решетке и машину тряхнуло.

Винстон тихо выругался, проверил, не повредилась ли подвеска; все было как будто в порядке. Но навигатор после встречи с решеткой окончательно утратил самообладание.

– Незвестная дорога, – взволнованно сообщил он. – Незвестная дорога, незвестная дорога!

– Да слышу я, слышу, – раздраженно проворчал Винстон и выключил звук.

Он проехал еще пару сотен метров, но, поскольку его электронный штурман так и не пришел в себя, Винстон остановил машину на обочине. Всюду простирались зеленые поля, там и сям виднелись ивовые аллеи и мелкие перелески. Винстон достал из бардачка проверенные карты автомобильных дорог, но о существовании этой грунтовки, похоже, не знали даже геодезисты Королевского автоклуба.

Винстону оставалось только одно.

Прошло уже больше семи лет с тех пор, как они с Кристиной развелись, но ее номер до сих пор был у Винстона в списке контактов первым. Наверное, его давным-давно следовало заменить каким-нибудь другим. Проблема заключалась в том, что другой номер так и не появился.

Они с Кристиной познакомились почти восемнадцать лет назад, вскоре после того как Винстон начал свою службу в убийном отделе стокгольмской полиции. Не нашли другого места для встречи, кроме как в прачечной.

«А я думала, под этой горой отжатых простыней никого нет», – язвительно заметил голос у него за спиной. Он обернулся; за спиной стояла она. Высокая, темные волосы заплетены в косу, очки сдвинуты на кончик носа (потом она призналась, что очки ей на самом деле не нужны, зато пациенты относятся к ней серьезнее).

«Меня зовут Кристина. Не Тина и не Стина, ладно?»

Оказалось, что Кристина живет выше этажом, и Винстон на той же неделе пригласил ее прогуляться.

«Вообще мне следовало бы отказаться, – заметила она. – Вы, наверное, привыкли, что женщины сразу соглашаются?»

Кристина сделала паузу, чтобы подождать, не начнет ли он протестовать; Винстон не запротестовал. Она угадала. В Винстоне было что-то, что нравилось женщинам.

«Но... – продолжила Кристина, склонив голову набок, – на этот раз я сделаю исключение. Кино и ужин. Где-нибудь, где недорого».

Они посмотрели французский фильм, и перед заключительными титрами Кристина взяла Винстона за руку. Через полгода они начали жить вместе, а еще через полгода Кристина забеременела, и они заключили брак в ратуше, всего за месяц до рождения Аманды.

Пока Аманда была маленькой, Кристина, психолог, довольствовалась частичной занятостью в психологическом центре на Мариаторгет, работая при этом над книгой и над диссертацией. Винстон меж тем делал карьеру в полиции. Прошел путь от убийного отдела до Комиссии по расследованию убийств. Объехал всю Швецию, участвовал в расследовании нескольких громких случаев и приобрел вполне заслуженную репутацию дельного следователя. Где-то по дороге – как, когда и почему осталось неясным – их брак сошел на нет. «Бывает, что что-то просто заканчивается и никто в этом не виноват», – подытожила Кристина.

Когда ее приняли в ординатуру Лундского университета, Винстон ничего не имел против – во всяком случае если и имел, то недолго. Он не стал спрашивать Аманду, не хочет ли она остаться с ним в Стокгольме. Винстон очень любил дочь, но Кристина сильно превосходила его в родительских качествах. Аманде лучше было жить с матерью.

Так что Винстон просто помог им с переездом. Помучился, но собрал их новую мебель и с тех пор по возможности часто навещал их в Лунде.

Аманда подросла и стала ездить на поезде одна; теперь она навещала отца в Стокгольме. В последние годы визиты дочери начали становиться все более редкими, а теперь его общение с Амандой свелось в основном к переписке и видеозвонкам, отчего у Винстона кошки скребли на душе. Во всяком случае сейчас он убеждал себя, что как раз пытается исправить положение.

Кристина, как всегда, ответила после первого же гудка.

– Ты уже рядом?

– Привет, это Петер. – Фраза была в общем ненужной, но Винстон счел, что телефонный этикет ее требует.

– Ты уже рядом? – Кристина не стала делать вид, будто заметила его приветствие.

– Не совсем. Навигатор начал спотыкаться где-то после Санкт-Улофа. Я сейчас где-то в чистом поле.

– Столик с молочными бидонами видишь?

– Чего?

– Столик с молочными бидонами. Такой стол, на котором стоят пара молочных бидонов из нержавеющей стали...

– Я знаю, что такое молочный столик, – раздраженно перебил Винстон. – Я с десятка таких столиков проехал за последние пятнадцать минут. Они что, всё еще в ходу?

– Нет, конечно. Но туристы такие столики обожают. Здорово же, когда говоришь: «А я был в Сконе и видел молочный столик». А еще междугороднюю электричку, а еще конюшню.

Винстон, как всегда, не понял, издевается над ним Кристина или говорит серьезно, и сказал:

– Я только что переехал противокоровную решетку.

– А, ну тогда ты на верном пути. Кстати, я на тебя страшно злюсь. – Способность мгновенно менять тему разговора тоже была фирменным умением Кристины. – Утром я говорила с Бергквистом.

– Да? Зачем? – Винстон ощутил беспокойство. Бергквист, его шеф из Комиссии по расследованию убийств, человек холерического темперамента, имел массивную нижнюю челюсть и мешки под глазами, что придавало ему сходство с бульдогом.

– Затем, что сначала ты отказался быть на дне рождения Аманды. Так же как в последние три года. А теперь, всего за пару дней до праздника, внезапно передумал и собрался сюда, взяв двухнедельный отпуск и объяснив это спонтанным решением. Но я же тебя знаю. Где ты и где спонтанность? Вот я и позвонила Бергквисту. И выяснила, что ты болен. Ты же болен, да?

Винстон вздохнул.

– И когда ты собирался рассказать, что у тебя обмороки? – продолжала Кристина.

– Я хорошо себя чувствую, я не хотел, чтобы вы беспокоились...

Слова Винстона отчасти были правдой, но обмороки тревожили его больше, чем ему хотелось в том признаться.

Отражение в зеркале заднего вида немного изменилось, и Винстон поднял взгляд. По кустам, росшим поодаль, прошелся ветер.

– Это просто от перенапряжения, – попытался он замять тему. – Я слишком много работал, а ел и спал плохо, как ты и говоришь. Врач утверждает, что несколько недель отпуска – и все наладится. Свежий воздух и покой – единственные лекарства, которые мне нужны. – Винстон изо всех сил старался говорить убедительно, не только ради Кристины, но и ради самого себя. На самом деле он не знал, что с ним. Врач заставил его сдать множество анализов, но результатов пока не было.

Снова какое-то движение, на этот раз в боковом зеркале. Винстон вытянул шею. Что-то рядом с машиной?

Голос Кристины продолжал выговаривать ему из телефонной трубки. Что-то насчет того, что Винстону уже под пятьдесят, пора научиться следить за здоровьем. Потом, безо всякого предупреждения, из трубки зазвучал голос Аманды:

– Привет, пап, тебе еще далеко до дома?

– Привет, милая. Вряд ли... – уклончиво ответил Винстон. Он надеялся, что Аманда не слышала, как они с Кристиной говорят о его здоровье. Ему не хотелось, чтобы дочь решила, будто он приехал не только для того, чтобы поздравить ее, и сменил тему: – Поздравляю! Ты как, готова отпраздновать шестнадцатый день рождения на всю катушку?

– Да, тут просто чума затевается! Поппе с мамой арендовали громадный шатер для праздников. Оркестр, салют, целая толпа гостей. Больше сотни! Тебе *понравится*.

В последнем утверждении крылась ирония, в этом Винстон был уверен. Он терпеть не мог толпы. Он просто не видел смысла в том, чтобы обмениваться банальностями с людьми, которых он видит в первый и, скорее всего, последний раз в жизни.

Поппе, второй муж Кристины, приходился Аманде отчимом. Звали его, конечно, не Поппе, а гораздо более по-взрослому; имя его Винстон постарался не запоминать. Поппе занимался тем, что вкладывал деньги в разнообразные проекты и владел, в числе прочего, замком в Сконе – там теперь и жили Кристина с Амандой. Человек в стиле «охота-на-фаза-нов-гольф-и-красные штаны» – так Винстон описывал его, когда возникала необходимость.

Но и Аманде, и Кристине этот человек нравился, так что у него, вероятно, имелись достоинства, ускользавшие от Винстона.

– Я слушала подкаст про настоящие преступления, там рассказывали об одном твоём деле, – продолжила Аманда. – Душителъ из Упсалы. Так интересно! Ты его выследил по порванному шнуру, да?

Аманда в последнее время начала интересоваться работой Винстона, что грело ему душу.

– В общем, да. Хотя делом занимался не только я, и там был не только шнурок...

Машина Винстона по какой-то причине качнулась, и через боковое окошко на него вдруг воззрились чьи-то большие глаза, да так неожиданно, что Винстон чуть не заорал.

Корова. Точнее, несколько коров.

Его машину плотным кольцом окружали коровы.

– Извини, мне пора. Увидимся вечером, – проговорил Винстон по возможности твердым голосом. Пегие и буро-белые коровы, глядевшие в боковое окно, продолжали наблюдать за ним пустым взглядом; нижние челюсти у них медленно шевелились. Через несколько секунд Винстон понял, что ошибся. Это не коровы, а быки. С десятка, а то и полтора быков возникли из ниоткуда и теперь не давали его машине двинуться ни взад, ни вперед.

Винстон завел мотор и осторожно посигналил. Быки и ухом не повели. Винстон предпринял еще одну попытку, на этот раз посигналив от души. Результата не последовало. Быки обступили «Сааб» и глазели на Винстона.

Какое-то время Винстон раздумывал, не выйти ли из машины, не разогнать ли их. Но он, во-первых, сомневался, что сможет открыть дверцу, а во-вторых, – признаться в этом было болезненно для его самолюбия – просто не решался вылезти из машины. Винстон вообще недолюбливал животных, считая их непредсказуемыми и докучливыми, и окружившее его стадо быков служило подтверждением этой точки зрения.

Винстон не мог ни тронуть машину с места, ни выйти из нее. Оставалось только сидеть и дожидаться, когда быкам надоест играть в гляделки.

«Сааб» снова качнулся: один из быков принялся чесать бок о дверцу. Винстону казалось, что он слышит, как камешки, застрявшие в шерсти, со скрежетом царапают лак. Он немного опустил стекло и попытался отпихнуть быка, но тут другой бык повернул к нему морду и попытался просунуть язык в образовавшийся проем, отчего Винстон тут же испуганно поднял стекло. Надо было признать очевидное: он будет сидеть так, пока быкам не надоест. Или пока кто-нибудь его не спасет. Но кто?

Тове Эспинг возвращалась в полицейский участок Симрисхамна. Единственный принадлежавший участку автомобиль без маркировки был на ремонте, и Тове сидела за рулем собственного старого «Вольво»-комби. В салоне машины, грязной изнутри и снаружи, пахло псиной и лошадьми одновременно – но Эспинг давно перестала обращать на это внимание.

Утро и некоторую часть дня она посвятила разнообразным допросам. Сначала съездила к фермеру, у которого украли дизель, потом – к пенсионеру, чей почтовый ящик вот уже в третий раз пострадал от банды местных квадроциклистов. Под конец поговорила с дачником, который спилил два принадлежавших коммуне дерева, портивших ему вид. Не сказать, чтобы тяжкие преступления. Не о том она мечтала, когда подавала заявление в полицейскую школу. Но после пяти лет в патрульной машине Эспинг все же доросла до следователя. «Младший детектив», – значилось на ее новенькой служебной визитке. Эту должность Тове занимала меньше полугода и пока еще не смогла избавиться от ощущения, будто своим повышением обязана тому факту, что другой кандидатуры не нашлось. По этой причине она намеревалась поскорее разделаться с бесконечными делами, которые оставил после себя, прежде чем уйти на пенсию, ее утомившийся предшественник. Ей не хотелось становиться полицейским, который, обутий в «биркенштоки», слоняется по району с газетой в одной руке и стаканчиком кофе

в другой, ожидая, когда расследование «созреет». Субботние выезды оказались хорошей идеей. Люди, как правило, были дома, и Эспинг удавалось провести несколько допросов за один раз.

Сегодня она могла бы закрыть еще три дела, итого на этой неделе – восемь. Несомненный рекорд для полиции Симрисхамна.

Эспинг с довольным видом выбила дробь на руле и слегка газанула, отчего гравий зашелкал по брызговикам. Объездной дороги, по которой она ехала, не существовало ни на одной карте. Обычное дело для Сконе – дорога через поля, о которой знают только местные.

Завидев впереди стадо быков, Эспинг сбросила скорость. Подъехав ближе, она обнаружила, что они окружают какого-то водителя, который по глупости остановился на пастбище. Водитель так и сидел за рулем, явно не решаясь выйти. Эспинг беззвучно рассмеялась. Заплутавший турист, который испугался коров. Как хорошо, что сейчас до него дотянется длинная рука закона – она же рука помощи.

Винстон заметил, что на дороге появилась еще одна машина. Красный, облезлый от старости комби с черной водительской дверцей. Машина остановилась. Водитель вылез и без малейших колебаний направился к быкам. Точнее, направилась. Женщина – лет под тридцать, среднего роста, в плаще и высоких резиновых сапогах, с зачесанными в конский хвост светлыми волосами.

Приблизившись к быкам, она широко развела руки и решительно сказала:

– А ну давайте отсюда!

Быки не шелохнулись – только хвосты раздраженно хлестали по бокам. Винстон поймал себя на том, что затаил дыхание.

Женщина, не выказывая ни малейших признаков страха, продолжала двигаться прямо на быков. Когда до них оставалась какая-нибудь пара метров, ближайший бык двинулся прочь – сначала медленно, потом перешел на подобие галопа. Последовала цепная реакция, и через несколько секунд все стадо было уже метрах в двадцати, на лугу.

Винстон опустил окошко. Острый нос женщины усыпали веснушки. Голубые глаза были умными и внимательными.

– Спасибо за помощь! – Винстон постарался говорить беззаботно.

– Да ерунда. Они еще молодые. Любопытные, но не опасные, с ними надо только порешительнее.

У женщины был сконский выговор, с округлыми глубокими «р». Выговор, который Винстон понимал с преогромным трудом.

Эспинг рассматривала сидевшего в машине мужчину. На вид под пятьдесят, довольно приятный, если не считать озабоченного выражения на лице. Рыжеватый блондин, высокий, рубашка, галстук, жилет. Пиджак висит на специальной вешалке, пристроенной на спинке водительского сиденья. Машина сияла чистотой. Эспинг с интересом заглянула в салон. Светлая кожаная обивка без единого пятнышка, на заднем сиденье ничего не навалено; нет ни старых парковочных квитанций, ни даже стаканчика кофе между сиденьями. Ничто не указывало ни на то, где работает этот франтоватый человек, ни на дело, которое завело его в эту глушь.

– Похоже, вы заблудились, – сказала Эспинг. – Из Стокгольма едете?

Мужчина кивнул.

Эспинг постаралась скрыть улыбку и уже готовилась задать следующий вопрос, но мужчина опередил ее.

– Вы случайно не знаете, где тут Бэкстюган?

– Бэккастюган? Знаю, конечно. – Она махнула рукой вдоль дороги. – Проедете еще метров триста – и сверните налево, сразу за молочным столиком. Знаете, что такое молочный столик?

– Да знаю я, знаю, – проворчал мужчина, ни с того ни с сего раздражившись.

Он завел мотор, коротко кивнул на прощанье и покатил дальше.

Эспинг еще какое-то время стояла, провожая машину взглядом.

И в сварливом водителе, и в его стерильно чистом авто было что-то, отчего Эспинг решила запомнить и его самого, и регистрационный номер машины.

Небольшая усадьба Бэккастюган располагалась именно там, куда направила Винстона любопытная женщина на грязном «Вольво». Белый фахверковый домик с тростниковой крышей и двустворчатыми окнами утопал в буйной зелени, окруженный каменной стеной. Посреди стены имелась увитая лозой калитка со скругленным верхом; гравийная дорожка вела от нее, петляя между высокими мальвами, к синей входной двери. Все вместе было так красиво, что походило на картинку из туристического буклета.

Винстон натянул пиджак и достал из багажника как всегда надежно упакованный чемодан. Колесики тут же увязли в гравии, и через несколько метров Винстон понял, что проще будет его понести. Калитка тихо скрипнула; вокруг Винстона с жужжанием вились пчелы и шмели, увлеченные роскошными соцветиями на клумбах и в ящиках с цветами. Июньское солнце припекало, и, когда Винстон добрался до входной двери, рубашка уже прилипла к спине.

На деревянной табличке красивыми буквами было вырезано: «Бэккастюган».

– Райский уголок, – буркнул Винстон.

Он нашел камень в ямке – там, как и говорила Кристина, оказался ключ, – отпер дверь и вошел. Дверной проем был таким низким, что Винстону пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой.

Прихожая вела в кухню, объединенную с гостиной. Стены покрывала белая штукатурка, через потолок тянулись деревянные балки. Интерьер был сравнительно современным, а слабый запах краски указывал на недавний ремонт. Застекленные двери на задах дома выходили на веранду и лужайку; вдаль виднелись роща и ручей. Здесь был даже полосатый гамак, подвешенный между двумя яблонями. Трудно было представить себе более красивое место для жизни – это пришлось признать даже такому прирожденному горожанину, как Винстон.

Повесив пиджак в прихожей, Винстон покатил чемодан к двери, которая, по его предположениям, вела в спальню. Комната оказалась светлой; из мебели тут был только маленький письменный стол и кровать.

На кровати что-то лежало.

Сначала Винстону показалось, что это овечья шкура, но шкура задвигалась, и Винстон понял, что перед ним крупный пушистый кот. Винстон замер. Кот удивленно и в то же время возмущенно уставился на него, словно это Винстон вторгся на территорию кота, а не кот на территорию Винстона.

При мысли о кошачьей шерсти Винстона передернуло. Он ничего не имел против шерсти или волос, пока они росли на звере или человеке, но, будучи отделенными от своего владельца, они превращались в неприятные биологические отходы, от которых лучше держаться подальше.

– Брысь, – сказал Винстон, надеясь изгнать кота, но впечатлил его не больше, чем давешних быков. Кот продолжал сердито взирать на него.

Винстон задом отступил в кухню, надеясь найти какое-нибудь подходящее для выдворения кота орудие, и его взгляд упал на лежавшую на кухонном столе газету. «Симбрисхамнсбладет», прочитал он, сворачивая газету трубкой. Старомодный шрифт, с заглавной «С» и с «Б», втиснутой после «М».

Винстон торопливо вернулся в спальню. Когда он задел головой о низкую притолоку, раздался глухой стук.

– Черт! – прошипел он и уронил газету.

Из-за стука или из-за ругательства, но кот тут же спрыгнул с кровати, шмыгнул мимо Винстона и просочился в кошачий лаз, устроенный в двери.

Винстон потер лоб, чтобы унять боль, извлек из чемодана липкий ролик и принялся тщательно водить им по месту, где валялся кот. Винстон не сдавался до тех пор, пока на покрывале не осталось ни одной шерстинки. Потом он на всякий случай провел роликом по собственной одежде.

В чулане обнаружилась коробка с лампочками и кое-какими инструментами, а в глубине лежал моток серебристого скотча. Винстон принес скотч в прихожую и решительно заклеил кошачий лаз, после чего, довольно насвистывая, принялся распаковывать вещи – как будто сражение с котом подняло ему настроение.

Глава 2

Ернесский замок располагался на берегу вяло текущей реки Туммарпсон и выглядел как в диснеевском мультфильме: розоватое двухэтажное строение с островерхой медной крышей и башенкой посередине, окруженное пестрым парком. На обширной лужайке раскинулся огромный праздничный шатер. Все стенки, кроме одной, были подняты, деревянный пол устилали настоящие ковры, с потолка свисали нарядные светильники. Несколько круглых столиков, накрытых белыми скатертями, с роскошными букетами дополняла самая настоящая барная стойка. У одной стены помещалась эстрада, на которой квинтет исполнял джаз.

Кристина незаметно посмотрела на часы. Она, Поппе и Аманда стояли у шатра и встречали гостей. Поппе обожал пышные празднества; сама она относилась к подобным мероприятиям куда прохладнее. Однако Аманда, похоже, просто купалась во всеобщем внимании; она с трудом стояла на месте.

– Когда папа придет?

– Я сказала ему, что праздник начнется не в шесть, а в половине седьмого, – сказала Кристина. – Значит, папа будет здесь в четверть седьмого. Ты же знаешь, какие у него отношения со временем. Мне пришлось выбирать, явится он на пятнадцать минут раньше или на пятнадцать минут опоздает.

Аманда не ответила – она уже бежала навстречу новой группе гостей, на этот раз – одноклассников; приятели из конной школы прибыли несколько минут назад. Крестину радовало, что у Аманды так много друзей. Сама она была одинокой волчицей и преобразилась, уже когда училась в университете. Но Аманду, казалось, все любили, в том числе и Поппе, который относился к ней как к принцессе.

– Петер явно опаздывает на четверть часа, – прервал муж ее мысли.

Поппе было слегка за пятьдесят, и он имел телосложение человека, умеющего ценить радости жизни. Вкусную еду, хорошее вино и веселую компанию.

– Кстати, он будет произносить речь?

– Могу предположить, что ему этого категорически не хочется, – ответила Кристина. – Но если возьмется – может произнести, и неплохую.

Поппе улыбнулся.

– Как ему в Бэккастаган, понравилось? Ты сказала ему про кота?

Ничего не отвечая, Кристина поправила платок, торчавший из нагрудного кармашка на блейзере Поппе, после чего погладила небольшой шрам у него на левой щеке. Она считала, что шрам очень подходит к ямочкам, которые появляются, когда Поппе улыбается. Поппе улыбнулся еще шире.

– Злая ты все-таки, – с восхищением произнес он.

– Ему же лучше будет. Петер терпеть не может зверей, природу, погоду и все прочее, что не поддается контролю. Ему пора вылезать из своей квадратной зоны комфорта. Мы с котом, если так посмотреть, оказываем ему услугу.

Поппе, смеясь, покачал головой.

Подшли еще гости. Блондинка в красном платье с глубоким вырезом и в туфлях на шпильках притягивала всеобщее внимание. Чуть позади нее шла женщина помоложе и одетая поскромнее; она несла завернутый в бумагу подарок.

– А вот и знаменитая Джесси Андерсон с ассистенткой, – едко заметил Поппе. – Еще каких-нибудь несколько месяцев назад половина Эстерлена считала, что она дьявол во плоти. Я-то знаю, с чего люди так взбудоражились. Это же надо, испортить прекрасный маленький Йислёвсхаммар своими уродливыми домами и завладеть всем берегом.

– Это уже в прошлом, – сказала Кристина. – Джесси сделала красивый жест, подарив поселку скульптуру, и пригласить ее на праздник – значит дать ей понять, что мы этот жест оценили.

– А еще тебе страшно хочется пойти на просмотр, – поддел ее Поппе. – Хоть одним глазком взглянуть на роскошную виллу, о которой все говорят, посмотреть, кто там покупатели.

Кристина скривилась, словно признавая его правоту.

– Да мне все равно не светит. У Джесси все просмотры закрытые. *By invitation only*⁸, и только для серьезных клиентов.

– Я уже начинаю раскаиваться, что мы их пригласили, – глухо сказал Поппе. – Далеко не все так снисходительны, как ты. Как бы неприятностей не вышло.

Винстон припарковал машину у домов неподалеку от замка и тщательно изучил в зеркало заднего вида узел сложно повязанного галстука. Одновременно он удостоверился, что столкновение с дверным проемом почти не оставило у него на лбу следов, за исключением небольшого красного пятна.

Дресс-код этого вечера Кристина обозначила как «эстерлен-сма́рт». Винстон, которому редко доводилось слышать определение глупее этого, заподозрил, что «эстерлен-сма́рт» предполагает блейзер, рубашку и мешковатые штаны. Может быть, даже дурацкий платочек на шее. Или того хуже – жеваный льняной костюм.

Из чистого протеста – а может, чтобы дать Кристине повод поворчать на него, – Винстон остановил свой выбор на светло-сером костюме-тройке итальянского шелка, белую рубашку сменил на голубую и дополнил всё уместным летним галстуком, двойной виндзорский узел которого он сейчас и поправлял, перед тем как выйти. Наряд завершали начищенные черные английские полуброги. Вообще-то зарплата полицейского не позволяла таких излишеств, но, с другой стороны, бывают у мужчин пороки и пострашнее, чем пристрастие к элегантным ботинкам, – это даже Кристина должна признать.

Бывшая жена как-то слишком эмоционально отреагировала на его больничный, внушал себе Винстон. Всего-то пару раз ненадолго потерял сознание.

Покой и отдых творят чудеса, как сказал врач. Отдыхать Винстон собирался со своей обычной основательностью. Валяться в гамаке под яблонями, читать книжки. Совершать долгие прогулки, слушать по радио «Летние беседы», проводить время с Амандой. Анализы окажутся отрицательными, проблема будет решена, беспокоиться больше не о чем. Если только по поводу предстоящей вечеринки. Винстон глубоко вздохнул, открыл дверцу и вышел из машины.

Возле арки, ведущей в сад, стоял мускулистый молодой человек с пучком на затылке и наушником в ухе и проверял гостей по списку.

– Ваша фамилия?

– Винстон. Петер Винстон.

Молодой человек с пучком провел пальцем по всему списку, до самой нижней строчки.

– Не вижу никакого Питера.

Винстон вздохнул.

– Не Питер, а Петер.

Молодой человек снова проверил список.

– А, вот вы. Петер Винстон. Добро пожаловать! К шатру прямо, ориентируйтесь на музыку. Туалеты вон там, возле оранжереи.

⁸ Только по приглашению (англ.).

Размах мероприятия был таков, что Винстону просто не верилось. Огромный шатер, люстры, музыканты. И все это – для девочки, которой исполнилось шестнадцать. Одновременно Винстон ощутил угрызения совести. В первый раз за последние несколько лет они с Амандой отметят ее день рождения не как-нибудь потом, у него дома в Стокгольме. Так что надо как минимум сделать над собой усилие и постараться хорошо провести время.

– Добро пожаловать в Эстерлен, Петер! Рад видеть! – Пожимая Винстону руку, Поппе умудрился одновременно гулко хлопнуть его по спине, будто старого товарища. – Тут, может, не так интересно, как в Комиссии по расследованию убийств, но мы надеемся, что тебе здесь понравится. Верно, Кристина?

Кристина кивнула и бросила на Винстона взгляд, ясно говоривший: веди себя прилично.

Поппе был на голову ниже Винстона и на несколько лет старше. Залысины на лбу, похоже, его не волновали. Поппе, кажется, вообще ничего не волновало – он был из тех, кто всегда в хорошем настроении и доволен жизнью. Большинство людей чувствовали расположение к нему. И все же Винстон старался изо всех сил. Идея превратить день рождения дочери в грандиозное представление принадлежала, конечно, Поппе.

Как Винстон и подозревал, на Поппе были розовые брюки и двубортный голубой блейзер, под которым виднелись розовая рубашка и небесно-голубой платок. На лацкане блейзера сидела фигурная булавка, носки под коричневыми мокасинами отсутствовали. Винстона едва не передернуло, но он напомнил себе о только что данном обещании.

– Спасибо, – ответил он со всем возможным дружелюбием. – Тишина, покой – мне это более чем подходит. И какой прекрасный праздник вы устроили!

Последняя фраза далась Винстону с превеликим трудом, но зато он заслужил одобрительный кивок Кристины.

На Аманде было белое платье. Волосы элегантно зачесаны наверх, а по макияжу видно, что дело не обошлось без помощи профессионала. Дочь обняла Винстона – но не повиснув у него на шее, как обычно, а по-взрослому.

В памяти у Винстона пронеслись картины детства Аманды. Вот он держит ее на руках, читает ей сказку на ночь, вот он в первый раз ведет ее в школу. А сегодня дочери исполняется шестнадцать – почти взрослая женщина.

– Ты мой подарок получила? – спросил он.

– Конечно! Он пришел за три дня до дня рождения, как всегда. Такой классный. Спасибо!

Винстон кивнул, довольный.

– Я прочитал, что шлем для верховой езды надо регулярно менять, потому что пластик стареет. Продавец сказал, что эта модель – лучшая на рынке. Верхние строчки во всех тестах на безопасность.

– Здорово. Мне как раз был нужен новый шлем. Вечно падаю и ушибаюсь головой.

Аманда легонько постучала себя по лбу и тут же расплылась в широкой улыбке, увидев перепуганную физиономию Винстона.

– Да я пошутила. Я почти никогда не падаю.

– Ну конечно, конечно. – Винстон пытался делать вид, что слова «почти никогда» его никак не встревожили. Ему слишком часто говорили, что верховая езда статистически один из самых опасных видов спорта.

– Вон еще гости, – перебил Поппе. – Люссан с родителями. – И он указал на принаряженное семейство, которое направлялось к ним через лужайку. Семейство как раз остановилось и затянуло поздравительную песню.

– Пойду поздороваюсь, – сказала Аманда. – Но мы еще потом с тобой поговорим. Папа, я так рада, что ты этим летом будешь жить здесь.

Она поцеловала Винстона в щеку и побежала к новым гостям, Поппе потрусил за ней.

Кристина осталась с Винстоном.

– Ну, добро пожаловать, – сказала она. – Как здорово, что ты наконец отважился выбраться сюда.

– Спасибо. Ну и прием вы затеяли. Интересно, что вы устроите, когда ей исполнится восемнадцать. Цирк дю Солей наймете? Или, может, «Глобен»⁹ арендуете?

– Прекрати.

Кристина шлепнула его по руке. Оба постояли молча, глядя, как Аманда веселится с гостями.

– Кое-что у нас все-таки хорошо получилось, – заметила Кристина. – Уже шестнадцать лет, представляешь?

– Хм-м. – Винстон кашлянул. С каких это пор он стал сентиментальным? – Так что вы ей подарили? – спросил он, чтобы перевести разговор на какую-нибудь нейтральную тему.

– Это сюрприз, скоро узнаешь. Кстати, как тебе в Бэккастюган? Понравилось?

– Дом очаровательный. Двери только низкие.

Кристина рассмеялась.

– Да, я Поппе говорила, но мы решили, что тебе придется научиться склонять голову. Ну или можешь одолжить шлем для верховой езды. Мы же не хотим, чтобы ты потерял сознание.

– Ну и прекрасно. – Винстон растянул губы в улыбке. – Слушай, прости, что я не рассказал про свой больничный. Там ничего серьезного. Просто пару раз отключился на работе. И всё.

– А врач что говорит?

– Погнал меня сдавать анализы. Вот, жду ответа.

– И что ты собираешься с этим делать?

– В каком смысле? – Винстон попытался сохранять невозмутимый вид.

– Петер, – укоризненно сказала Кристина. – Ты же контрол-фрик. Для тебе нет ничего хуже неопределенности.

– Да ну. Ничего страшного. Отдохну немного – и я снова в форме.

Винстон изо всех сил старался говорить убедительно, но, судя по скептическому взгляду Кристины, ему это не слишком удавалось.

– Аманде скажешь? – спросил он.

Кристина склонила голову к плечу.

– Не буду ей говорить, пока ты выполняешь предписания врача и проводишь время с дочерью.

– Разумеется. – Винстон ощутил облегчение.

– Пойдем, я тебе все тут покажу. – Кристина взяла его под руку и повела к грандиозному шатру. – Здесь половина эстерленского общества, плюс несколько знаменитостей общешведского масштаба. Но прежде, чем я тебя с ними познакомлю, давай выпьем чего-нибудь покрепче.

⁹ Многоцелевая арена в Стокгольме, крупнейшее сферическое сооружение в мире, место проведения концертов и спортивных состязаний. Вмещает до 16 000 зрителей.

Глава 3

Пока бармен занимался их заказами, Кристина показала Винстону кое-кого из гостей. Многие оказались однокашниками Поппе по Лундскому университету; были здесь и те, с кем он вел дела. И с теми и с другими Кристина покончила довольно быстро.

– Вон те двое гораздо интереснее. – Кристина указала на мужчину и женщину лет тридцати, окруженных толпой гостей. – Никлас и Даниэлла Мудиг. Никлас играет в НХЛ, Даниэлла выросла здесь, в Эстерлене. Она инфлюэнсер. Сделала успешную карьеру: фотографировалась полуголой в переливных бассейнах и делилась кодами на скидку в инстаграме¹⁰.

– Так-так. – Лица показались Винстону знакомыми – может быть, просто потому, что и он, и она выглядели хорошо почти до неправдоподобия. Мускулистый Никлас двигался как человек, привыкший к обожанию. У Даниэллы, высокой и худощавой, была внешность топ-модели. – А почему они общаются с вами, старичками? – раздраженно спросил Винстон.

– Потому что я совершенно неотразима, почему же еще, – не моргнув глазом ответила Кристина. – Мы познакомились на уроках верховой езды. Когда Даниэлла приезжает в Швецию, то участвует в скачках, мы часто встречаемся на соревнованиях. Хочешь верь, хочешь не верь, но они довольно приятные люди. У Никласа истекает контракт, так что болтают, будто он уже собирается из Лос-Анджелеса домой, в Швецию.

Светловолосая женщина в красном платье подошла к Мудигам и обменялась с ними сдержанными поцелуями в щеку. Встречу снимала женщина помоложе – сначала на собственный мобильный телефон, потом на телефон Даниэллы. Судя по взглядам гостей, происходило что-то из ряда вон выходящее.

Наблюдения Винстона прервал хорошо поставленный голос:

– И кто же, милая Кристина, этот элегантный молодой человек рядом с вами?

Перед Винстоном и Кристиной предстал пожилой мужчина в белом костюме, светлой шляпе и длинном шелковом шарфе. Грузный, с несколькими подбородками, он горбился, опираясь на трость.

– Это Петер Винстон – отец Аманды и мой бывший муж.

– А-а, так вы видели этого Адониса в костюме Адама! Вот повезло! – Воскликание вышло слишком громким, и кое-кто из гостей повернул головы в их сторону.

– Ян-Эрик Шёхольм. Актер, певец, художник. Именно в таком порядке. – Полный мужчина театральным жестом приподнял шляпу.

– А ведь я видел вас на сцене, – сказал Винстон.

Ян-Эрик просиял.

– В какой же пьесе? Нет-нет, не говорите. Стриндберг или Мольер? А может быть, это был мой король Лир? «А мы вас посвятим в заветные решенья наши глубже... и доплестись до гроба налегке...»¹¹

Ян-Эрик вскинул руки, что вместе с его новым восклицанием снова заставило гостей обернуться.

Винстон покачал головой:

– Нет, в мюзикле видел. «Клетка для чудаков», насколько я помню.

– А! – Ян-Эрик разочарованно поджал губы. – Ну, могло быть и хуже. Я сыграл в трех сезонах «Пароходства», о чем хотел бы забыть.

Он подмигнул Винстону и обернулся.

¹⁰ ♦ Здесь и далее: название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

¹¹ Пер. Б. Пастернака.

– Альфредо! Куда он делся? Альфредо! – И он крепко постучал в пол черной тростью с металлическим наконечником и с фигурным набалдашником в виде бараньей головы.

На его зов словно из ниоткуда вынырнул невысокий мужчина лет на десять моложе Ян-Эрика и вдвое худее его, с двумя бокалами шампанского в руках. Его наряд во всем повторял костюм актера. Скулы были такими высокими, что лицо казалось почти треугольным.

– Альфредо, это Петер Винстон. Загадочный бывший муж Кристины.

Ян-Эрик приобнял невысокого человека.

– Альфредо – мой ассистент, костюмер и супруг. Чаще всего – в таком порядке. – И он снова подмигнул Винстону.

Альфредо осмотрел Винстона с головы до ног.

– Красивый костюм. «Севиль Роу»?

Прежде чем Винстон успел подтвердить его предположение, Альфредо провел пальцами по отвороту его пиджака. Руки у него оказались на удивление сильными.

– Итальянский шелк. Прекрасный выбор. – Альфредо с довольным видом поцокал языком. – И ботинки красивые. У него хороший вкус!

Последняя фраза была явно адресована Кристине.

– Во всяком случае в том, что касается одежды и обуви, – отозвалась она. – И бывших жен, разумеется.

В центре шатра люди продолжали собираться вокруг Мудигов. И не только вокруг них. Светловолосая женщина, похоже, имела не меньшую популярность – как заметил Винстон, с ней фотографировались очень многие.

Альфредо прошептал что-то Яну-Эрику на ухо, и оба взглянули на толпу. Назвать их взгляды дружелюбными было затруднительно.

– А, так вы пригласили Джесси Андерсон. – Ян-Эрик поджал губы, словно у самого этого имени был скверный вкус. – Или ботоксная ведьма прилетела незваной, чтобы подцепить клиентов среди гостей, не подозревающих дурного? Меня бы это не удивило. Джесси способна на что угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.